

Международное строительное право

Академическая монография

Автор: Белкин Дмитрий
Семёнович (ORCID:
<https://orcid.org/0009-0003-1532-1958>)

Славяно-Греко-Латинская
академия, кафедра
международного права, доцент,
Москва, Россия. E-mail:
dmitryb81@gmail.com

DOI: 10.64457/icl.ru.ch23

Международно-правовые механизмы энергетических строительных контрактов: институциональная устойчивость и трансграничные риски

Рекомендуемая ссылка: Белкин Дмитрий Семёнович Международно-правовые механизмы энергетических строительных контрактов: институциональная устойчивость и трансграничные риски // МЕЖДУНАРОДНОЕ СТРОИТЕЛЬНОЕ ПРАВО. Москва: Славяно-Греко-Латинская Академия, 2025. DOI: 10.64457/icl.ru.ch23.

Глава посвящена исследованию многоуровневого воздействия международных энергетических соглашений на условия международных строительных контрактов в энергетическом секторе. На основе Договора к Энергетической хартии, Третьего энергетического пакета ЕС, актов ОПЕК и ФСЭГ, а также Парижской (1960 г.) и Венской (1963 г.) конвенций о гражданской ответственности

за ядерный ущерб рассматриваются распределение рисков, защита инвестиций и арбитражные механизмы. Уделено внимание санкциям и диверсии на «Северных потоках», влияющим на пересмотр контрактов. Итогом стало выделение ключевых клаузул (форс-мажор, юнитизация, механизмы МЦУИС) и обоснование необходимости унифицированных форм МФИК под эгидой БРИКС или ООН для повышения правовой определённости и инвестиционной привлекательности проектов.

Международные энергетические соглашения выступают ключевым фактором, определяющим параметры международных строительных контрактов в энергетическом секторе. Их влияние проявляется на нормативном, институциональном и экономическом уровнях: через установление обязательных публично-правовых требований к участникам рынка, через формирование транспарентных режимов транзита и инвестиций, а также через задаваемую ими конфигурацию ценовых и технологических ориентиров для проектов. в современной архитектуре многостороннего регулирования центральное место занимает Договор к Энергетической хартии 1994 г. (ДЭХ), который, по выводам российских и зарубежных исследователей, стал первым многосторонним соглашением, обеспечившим защиту энергетических инвестиций и установившим правовой режим трансграничного транзита энергоресурсов; он также наделил инвесторов правом на прямое обращение в международный арбитраж против государства (Голованова и Куклина, 2020; Konoplyanik & Walde, 2006). Для контрактов на проектирование и строительство энергетической инфраструктуры это означает необходимость встраивания в текст договоров оговорок об инвестиционной защите и согласование механизмов разрешения споров с возможностью обращения в МЦУИС.

В условиях ускоряющегося энергетического перехода и перераспределения центров силы регулятивные инициативы Европейского союза, прежде всего Третий энергетический пакет, оказывают экстраординарное воздействие на условия заключения и исполнения строительных контрактов, связанных с рынками электроэнергии и газа. Нормы ЕС, направленные на либерализацию, недискриминационный доступ и анбандлинг, транслируются

в технико-юридические требования к подрядчикам и заказчикам, включая требования к технологической совместимости, экологическим допускам и недопущению ограничений конкуренции; эти последствия подробно описаны в профильных исследованиях (Чугунов, 2022; Гудков, 2016). в практическом измерении это влечёт включение в контракты специальных условий, учитывающих доступ третьих лиц к инфраструктуре, обязательства по раздельному учёту, а также более детальные матрицы рисков в части задержек, вызванных нормативными изменениями.

Международные товарные ассоциации, такие как ОПЕК, и межправительственные площадки, как Форум стран-экспортеров газа (ФСЭГ), воздействуют на строительные контракты опосредованно, через ценовую и санкционную конъюнктуру. Устав ОПЕК закрепляет координацию экспортной политики государств-членов, что влияет на долгосрочные ценовые бенчмарки и прогнозы спроса, а через них — на заложенные в ЕРС/ЕРСМ-контракты финансовые модели, индексацию и условия пересмотра цены (ОРЕС, 2021). Вопросы санкционной совместимости платежей, поставок оборудования и услуг стали частью обычной договорной практики в газовой отрасли; соответствующие риски подтверждаются текущими публикациями о лицензировании отдельных операций в энергетике с участием российских контрагентов (Interfax, 2023). Эти обстоятельства требуют тщательной проработки разделов о форс-мажоре, изменении законодательства (change in law) и санкционных оговорок, а также расширенной системы подтверждений (representations and warranties) поставщиков, банков-эмитентов гарантий и страховых компаний.

Доктрина энергетической безопасности формирует публично-правовой каркас для частноправовых обязательств. Понимаемая как способность государства обеспечивать устойчивое снабжение и защиту критической инфраструктуры, энергетическая безопасность выступает самостоятельным юридическим интересом, ограничивающим автономию воли сторон контракта: объектами регулирования становятся маршрутные решения, стандарты физической защиты, требования к надежности энергоснабжения и импортозамещению, что подтверждается профильной доктриной (Шестопалов, 2012). Для

подрядных форм это означает не только ужесточение требований к лицензированию и допускам, но и включение в договор детализированных планов непрерывности бизнеса (BCP), процедур стресс-тестирования и обязательств по раскрытию информации компетентным органам.

Особый пласт составляют международные соглашения в сфере ядерной энергетики — Парижская (1960 г.) и Венская (1963 г.) конвенции о гражданской ответственности за ядерный ущерб. Эти договоры задают императивные рамки распределения ответственности, лимитов и страхового покрытия, напрямую влияя на структуру контрактных обязательств при сооружении АЭС: они требуют закрепления расширенных обязательств по страхованию, аудиту систем безопасности, управлению ядерными материалами и протоколам аварийного реагирования. Юридический смысл для контрактов — смещение части рисков за пределы диспозитивного регулирования сторон в сферу международно-правовых обязательств государств, что предreshает границы допустимых «Особых условий» к базовым формам МФИК и объём корректировок типовых гарантий.

Как показывают исследования по трансграничному недропользованию в Арктике, межгосударственные соглашения о разграничении, юнитизации и совместном освоении ресурсов трансформируются в частноправовые обязательства через механизмы распределения долей, координационные комитеты и совместные операторы; соответствующие подходы демонстрируют российско-норвежские проекты (Вылегжанин, Салыгин и Крымская, 2020). Для подрядчиков это означает особые требования к supply chain compliance, единому стандарту технической документации, применимому праву и юрисдикции, согласованным в межправительственных соглашениях, которые приобретают приоритетное значение над диспозитивными положениями контракта.

Геополитические шоки и односторонние ограничительные меры влияют на сроки и стоимость энергетических стройпроектов, требуя планирования периметра правовой защиты ещё на преддоговорной стадии. Примером служит замедление реализации и последующие

события вокруг «Северного потока-2», описанные в научной литературе в связи с санкционными режимами (Крицкий, 2017). После диверсии сентября 2022 г., приведшей к физическому разрушению ниток «Северного потока» и «Северного потока-2», встали вопросы перераспределения рисков форс-мажора, страхового покрытия, доказательственных стандартов и суброгации между подрядчиками, операторами и страховщиками. Договорная реакция включает углубление разделов об обследованиях, мониторинге и кибер- и физической безопасности, ранжирование рисков по их страхуемости, а также согласование триггеров для пересмотра сроков/цены при наступлении событий международной напряженности.

Соглашения в рамках ЕАЭС и иные региональные механизмы встраивают в контрактную практику особые процедуры разрешения споров, применимые к трансграничным электрическим сетям и магистральной инфраструктуре; их эффективность подтверждается на материале российско-норвежской модели урегулирования споров по юнитизации месторождений (Фодченко, 2018). в качестве общей тенденции прослеживается ориентация на многоступенчатые механизмы: переговоры — независимое экспертное заключение — адьюдикация — арбитраж. Для строительных контрактов энергетики это выливается в обязательные оговорки об использовании советов по урегулированию споров и взаимной добросовестности при исполнении предарбитражных процедур.

Международные энергетические соглашения воздействуют на национальное право, принуждая государства к принятию актов, повышающих стандарты безопасности и устойчивости энергетических объектов. в российской доктрине обращается внимание на необходимость согласования таких внутренних новелл с международными обязательствами в целях укрепления энергетической безопасности (Лисицын-Светланов, 2021). Это влияет на проектные и строительные регламенты, формируя нормативные «якоря» для договоров подряда: перечни обязательных стандартов (СП, ГОСТ, ISO), расширенные «Распорядительные документы заказчика», требования к независимому техническому надзору и аудитам соответствия.

Экономическое измерение влияния международных энергетических соглашений проявляется через ценовые и инвестиционные стимулы. Долгосрочные газовые договорённости между Россией и государствами ЕС, а также режимы поддержки ВИЭ, субсидии и налоговые льготы, вытекающие из межгосударственных соглашений, закладываются в финансовые модели строительных контрактов, определяя параметры ЕРС-цены, платежных графиков, КРІ и бонус-малус-схем. Указанные процессы и связи между правом и экономикой энергорынков подробно осмыслены в литературе (Гудков, 2016; Романова, 2015, 2016).

Системная доктринальная оценка складывающегося поля подтверждает многоуровневый характер нормообразования. Исследования международных энергетических отношений подчеркивают сложность субъектного состава и необходимость ясного определения прав и обязанностей, а также действенных механизмов разрешения споров (Богоненко, 2017). Для практики МСКП это означает три опорных вывода. Во-первых, инвестор должен иметь доступ к инвестиционным средствам защиты в дополнение к коммерческому арбитражу. Во-вторых, санкционные, экологические и технологические режимы должны быть встроены в матрицу рисков как автономные основания изменения срока/цены. В-третьих, обеспечения исполнения (on-demand гарантии, страхование СМР-рисков, политических рисков, перерывов в деятельности) должны быть согласованы в масштабе допустимого публично-правовыми режимами.

Дальнейшее развитие международного энергетического права и его проекция на строительные контракты станут определяться унификацией стандартов «зелёного» строительства и ВИЭ, а также цифровизацией жизненного цикла объекта. Исследовательские выводы подтверждают, что политико-правовые факторы диалога России и ЕС продолжают существенно влиять на судьбу совместных энергетических проектов (Гудков, 2014), а значит — и на договорные конструкции, допуски и распределение рисков. Стратегически целесообразно инициировать выработку унифицированных инфраструктурных форм в рамках БРИКС или ООН, основанных на успешной практике форм МФИК, с адаптацией под публично-правовые требования отдельных регионов. Ядро таких форм должно включать оговорку о допустимости

рассмотрения споров в МЦУИС там, где спор охватывает инвестиционные элементы (ссылка на известную практику теста «инвестиции» и критериев, применявшихся в деле *Salini*), параллельно сохраняя арбитраж ICC/СТО для «чистых» коммерческих разногласий (*Salini Costruttori S.p.A. and Italstrade S.p.A. v. Kingdom of Morocco* [I], 2001).

В совокупности международные энергетические соглашения задают границы и векторы договорной автономии в энергетическом строительстве. Они закрепляют правила доступа, транзита, ответственности и разрешения споров; формируют ценовые и технологические рамки; канализируют государственную поддержку и страховые решения. Контрактные формы, основанные на МФИК и локализованные с учётом публичных режимов — от ядерной ответственности до санкционных оговорок, — обеспечивают требуемую предсказуемость. Развитие этого направления связано с межправительственной унификацией, цифровыми стандартами управления информацией и укреплении многоуровневых механизмов защиты прав участников энергетических проектов.

Примечание о публикации основных научных результатов

Научная специальность: 5.1.5. Международно-правовые науки.

Международно-правовое сотрудничество в сфере энергетики. Международное энергетическое право. Проблемы международного ядерного права.

Основные научные результаты опубликованы в следующей рецензируемой статье: Белкин, Д. С. Влияние международных энергетических соглашений на условия международных строительных контрактов в энергетическом секторе / Д. С. Белкин // *Законы России: опыт, анализ, практика.* – 2025. – № 3. – С. 82-86. – EDN LFNVDS. EDN: LFNVDS eLIBRARY ID: 83044770

Ссылка на статью: <http://www.bukvoved.ru/anno/anno-03-2025.html>

Список источников

1. Богоненко, В. А. (2017). Правовая сущность и признаки международно-правовых отношений в сфере производства, передачи и потребления энергетических ресурсов. Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D: Экономические и юридические науки, (14), 127–132.
2. Вылегжанин, А. Н., Салыгин, В. И., & Крымская, К. А. (2020). Трансграничное недропользование: международно-правовые механизмы неконфликтной политики государств. Международные процессы, 18(3), 23–41.
3. Голованова, А. Е., & Куклина, А. Н. (2020). Основные положения Договора к Энергетической хартии. в Рыночная трансформация экономики России: проблемы, перспективы, пути развития (с. 12–14).
4. Гудков, И. В. (2016). Компетенция Европейского союза по регулированию отношений в энергетической сфере. Международное экономическое право, (1), 10–17.
5. КоноПляник, А., & Вальде, Т. (2006). Договор к Энергетической хартии и его роль в международной энергетике. Journal of Energy & Natural Resources Law, 24, 523.
6. Крицкий, К. В. (2017). Односторонние ограничительные меры (на примере внешней политики США). Московский журнал международного права, (1), 131–140.
7. Лапшина, И. Е., Зелёноква, Л. К., & Огородникова, Л. Е. (2023). Международно-правовое регулирование торговли энергоресурсами. Закон и власть, (5), 84–95.
8. Лисицын-Светланов, А. Г. (2021). Обеспечение энергетической безопасности: некоторые задачи внутренней и внешней правовой

политики Российской Федерации. Правовой энергетический форум, (4), 8–12.

9. Романова, В. В. (2015). Правовые основы развития международного энергетического правопорядка. Международное публичное и частное право, (3), 9–12.
10. Романова, В. В. (2016). Внешнеэкономические сделки в газовой отрасли: особенности правового регулирования. Международное публичное и частное право, (3), 12–16.
11. Фодченко, И. П. (2018). Механизмы разрешения споров в российско-норвежской модели юнитизации трансграничных месторождений углеводородов. Предпринимательское право, (4), 63–69.
12. Чугунов, Д. К. (2022). Правовые аспекты реализации энергетической политики Европейского Союза... (Дисс. канд. юрид. наук). Москва.
13. Шестопалов, П. В. (2012). Энергетическая безопасность: определение понятия и сущность. Проблемы экономики и юридической практики, (5), 200–201.

© 2025 Международное строительное право